

Р. О. Гутенберг

К истории разорения императорских дворцов Петербурга в первой трети XIX в.: Михайловский замок

На основе архивных документов рассматривается судьба убранства залов Михайловского замка в первой трети XIX в. Особое внимание уделено изучению «механизма» ликвидации парадных помещений, выраженного в форме аукциона и публичной продажи в частные руки предметов отделки замка и роли в этом процессе лиц императорской фамилии.

Ключевые слова: Павел I, Михайловский замок, Главное инженерное училище, Александр I, великий князь Николай Павлович

Roman O. Gutenberg

History of the destruction of the Imperial palaces of Saint Petersburg in the first third of the 19th century: Mikhailovsky Castle

On the basis of archival documents is considered the fate of the decoration of the halls of the Mikhailovsky Castle in the first third of the 19th century. Special attention is paid to the study of the «mechanism» the elimination of halls, expressed in the form of auction and public sale into private hands of the furnishing materials of the castle and its role in this process, members of the Imperial family.

Keywords: Pavel I, Mikhailovsky Castle, Engineering Main School, Aleksandr I, Grand Duke Nikolay Pavlovich

По справедливому замечанию Л. В. Никифоровой, «дворец, в любых своих формах, – это феномен культурного пространства»¹. Способы его изучения, как в типологическом, так и топологическом значении, весьма разнообразны. Однако, несмотря на методологическую вариативность, «микро-исторический» подход в вопросах исследования памятников архитектуры сохраняет свою актуальность: он позволяет получить знание не только о частных событиях жизни конкретного человека, но и способствует выявлению и осмыслению доминантных представлений о процессах и явлениях свойственных тому или другому культурно-историческому периоду.

На протяжении всего XVIII в. осуществлялась перманентная трансформация архитектурного облика Санкт-Петербурга. Значительная часть дворцовых зданий, воздвигнутых в это время, и сегодня сохранила свою плановую структуру и экстерьер. При этом интерьеры, в основном, дошли до нас в существенно измененном виде либо оказались полностью утрачены.

В сознании современного человека, представляющего самую различную возрастную аудиторию, изменения первоначального вида дворцовых зданий нередко связывают с образом «разгневанного революционера», ниспровергающего имперские идолы и разрушающего царские апартаменты: вследствие чего уникальные художественные объекты оказываются потерянными безвозвратно. Такое впечатление является верным лишь отчасти. Имперская история знает немало случаев, когда

исключительно по воле высочайших особ дворцы теряли свое прежнее величие.

Одним из наиболее ярких примеров такой практики был Михайловский замок, строительству которого предшествовала разборка одного из архитектурных образцов русского барокко – Летнего дворца императрицы Елизаветы Петровны. Потребовавшее огромных финансовых затрат возведение новой резиденции вынудило Павла I использовать для ее оформления вещи и материалы, ранее бывшие частью убранства других зданий: недостроенного дворца Екатерины II в Пелле, Исаакиевской церкви, сооружаемой в то же время по проекту архитектора А. Ринальди и др.

Трагическая смерть императора в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. и последовавший затем переезд царской семьи в Зимний дворец предопределили серьезные функциональные перемены в судьбе Михайловского замка, «высокий» статус которого был вскоре упразднен. Несколько месяцев спустя после погребения тела Павла I в Петропавловском соборе в помещения его бывшей резиденции, с позволения Александра I, стали вселяться высшие военные чины, представители творческих профессий со своими семьями, прислужгой и имуществом. В дальнейшей части помещений и подвалы заняли служащие Гоф-интендантской конторы, в ведение которой замок перешел в ноябре 1801 г., а парадные и личные комнаты августейшей фамилии были отведены различным государственным учреждениям.

Безусловно, оставлять в «забвению брошенном дворце» (А. С. Пушкин) дорогостоящие предметы убранства залов, еще совсем недавно привезенные в замок из других резиденций, было бессмысленно. Вещи стали вывозить не только в столичные и пригородные резиденции, но и заполнять ими склады императорского Кабинета, магазины Гоф-интендантской канторы, а в некоторых случаях меблировать комнаты высокопоставленных вельмож, как в стенах замка, так и за его пределами².

Если в 1801 г. в основном вывозили осветительные приборы, мебель и произведения искусства, то спустя несколько лет приступили к замене дубовых мозаичных паркетов на простые сосновые полы, снятию со стен тканей и цветных стекол. Однако при всей кажущейся масштабности происходящего, внешний вид большинства помещений замка еще на протяжении двух десятилетий в значительной степени сохранял свой прежний вид, о чем свидетельствуют архивные документы³ и воспоминания современников⁴. Процесс разорения интерьеров принял по-настоящему масштабный и необратимый характер лишь после передачи архитектурного комплекса из Гоф-интендантского в Военно-инженерное ведомство, и сыновья Павла I, Александр и Николай, сыграли в этом решающую роль.

Постепенная передача помещений Михайловского замка Главному инженерному училищу, учрежденному по инициативе великого князя Николая Павловича, началась в 1819 г. Эта процедура не была единовременной и растянулась почти на пять лет. В связи с чем подробные сведения о судьбе дворцовых интерьеров появились в официальных документах только в начале 1822 г., когда было получено высочайшее соизволение на перевод в Инженерное ведомство всего архитектурного комплекса.

Работы по приспособлению залов под нужды училища требовали существенных затрат. Например, для приведенных в 1819 г. «в надлежащий вид» всего лишь четырех помещений потребовалось 25 787 р.⁵, а комнат в кухонном флигеле замка почти 40 000⁶. По этой причине великий князь Николай Павлович, не желая отягощать казну излишними расходами, решил поступить с дорогостоящим убранством дворца так, как это было принято в государственных учреждениях того времени: когда вещи и элементы отделки зданий спешно продавали в «частные руки». В том же Инженерном ведомстве невостребованный для работы или пришедший в негодность инвентарь, чтобы не потерял «от долговременного лежания <...> цену, за какую бы казна могла бы продать»⁷, готовили для «публичного торга».

В январе 1822 г., по распоряжению начальника Генерального штаба П. М. Волконского, в подчинен-

нии которого тогда находилось Инженерное ведомство, была произведена приблизительная оценка отделки тех залов личной и парадной анфилады императрицы Марии Федоровны, где использовался природный камень. Эту работу выполнили итальянские скульпторы С. Мадерни и А. Трискорни. Затем наступила очередь зеркал и цветных стекол, находившихся в личных покоях Павла I, княгини А. П. Гагариной, великого князя Николая Павловича, графа И. П. Кутайсова и камер-фрейлины А. С. Протасовой. По просьбе руководства Инженерного департамента профессор живописи В. К. Шебуев составил ведомость плафонам и десюдепортам.

После осмотра этих вещей архитектором К. И. Росси министр финансов Д. А. Гурьев сообщил П. М. Волконскому, что в подведомственных ему зданиях эти изделия востребованы «быть не могут» и свободных средств на приобретение этих предметов у него нет, но так как в них «заключается много драгоценностей», рекомендовал их перевести в хранилища Гоф-интендантской канторы, откуда они могли быть отправлены на оформление других дворцов. Не забыв при этом высказать предостережение, что если их решат обратить «в продажу, то, несмотря на их редкость, нельзя ожидать, чтобы партикулярные покупщики дали настоящую за них цену»⁸. Ответ министра финансов был незамедлительно передан великому князю, который, не пожелав последовать совету, уже через несколько дней сообщил директору Инженерного департамента генерал-лейтенанту К. И. Опперману, что император позволил ему «упомянутые вещи продать на сторону и вырученные за оное деньги обратить на отделку Михайловского замка»⁹. Вслед за тем от Инженерного департамента последовало обращение в комитет правления Академии наук с просьбой о публикации в «Санкт-петербургских ведомостях» объявления следующего содержания: «Инженерный департамент вызывает желающих купить имеющиеся в комнатах Михайловского замка вещи <...> – которые, – можно видеть на местах по воскресным дням, от 12 часов утра до 3-х пополудни»¹⁰. Объявления были трижды напечатаны в первых выпусках газеты за май 1822 г.

Сведения о публичных продажах казенного и частного имущества, которыми занималась Аукционная контора, стали регулярно печатать еще в царствование Петра I. Торговля царскими «пожитками», как правило, осуществлялась в двух видах. Первый предполагал так называемую «продажу с публичного торга», т. е. просто аукцион, проходивший при малом количестве продаваемых вещей в доме Аукционной конторы, а в случае, если предметы не подлежали переносу, – прямо «на местах» в присутствии аукционистов. Ко второму типу относилась «продажа» с четко установленной ценой, не предполагавшей публичного торга.

Именно такую форму для реализации оцененных в Михайловском замке вещей и выбрал великий князь. К ней, как правило, прибегали в тех случаях, когда возникала необходимость сбыть оставшиеся от разобранных казенных зданий строительные и отделочные материалы. Так, например, в 1822 г. продавали сохранившиеся от «строения дома Главного штаба» зеркала, камин, барельефы и колонны¹¹. Пять лет спустя комиссия о построении Исаакиевского собора приглашала желающих купить вынутый из стен старой церкви гранит¹².

Первые покупатели, чьи имена попали в официальные документы, посетили замок лишь в середине июня 1822 г. Желающих приобрести предметы убранства из бывших царских апартаментов оказалось двенадцать человек, среди которых фигурируют представители разных сословий. Например, такие высокопоставленные вельможи, как гофмейстер императорского двора князь Ник. Вас. Долгорукий; обер-прокурор первого отделения третьего Департамента Правительствующего Сената тайный советник Н. А. Челищев; действительный статский советник А. И. Бек. Несомненно, явились купцы и ремесленники. Упоминается среди прочих и некий «господин Свиныйн», за отсутствием инициалов которого все же угадывается персона коллекционера и первого издателя «Отечественных записок», нередко баловавшего своих читателей подробным описанием «публичных торгов», откуда шедевры старых мастеров попадали в покои Зимнего дворца. Дом, где жил П. П. Свиныйн в то время, находился почти напротив главных ворот Михайловского замка.

Пришедшие в бывшую императорскую резиденцию явно относились к категории искушенных покупателей: по замечанию генерала Оппермана, «никто из них своей цены не объявлял, а только спрашивал какая цена назначена начальством»¹³. При этом почти всех людей объединяло чувство недовольства установленной за царские «пожитки» ценой, считавшейся ими чрезмерно завышенной. Опперман сообщал великому князю: «едва ли кто заплатит такие цены, какие назначены в прилагаемой оценке. Не благоугодно ли будет вашему Императорскому Высочеству позволить продажу, хотя за половинную цену <...>, а те вещи, за кои не дадут даже половинной цены, оставить на местах»¹⁴. Так и поступили.

Оцененную, но не снятую со стен каменную отделку оставили на месте «вплоть до повеления», а то, что уже успели демонтировать, следовало продать «хоть за половину». В итоге к августу 1822 г. в частные руки ушли 20 зеркал, 1 плафон, 2 десюдепорта, 8 небольших желтых зеркал вынутых, 3 стола с мраморными досками, 7 пудов бронзы и мраморные сандрики из Воскресенского зала и т. д.¹⁵ Если первичная цена за эти предметы достигла

8500 р., то с уценкой они были проданы, лишь за 6866,25 р. В ряде случаев стоимость приготовленных к продаже вещей была снижена в два раза¹⁶. Результаты торгов явно не оправдывали надежд великого князя, который в это время почти ежедневно приезжал в Михайловский замок, а в один из августовских дней 1822 г. специально обошел его «на предмет проданных вещей»¹⁷. Последующие события свидетельствуют о том, что Николай Павлович не отказался от мысли за счет отделки замка покрывать расходы по размещению в нем училища, Инженерного департамента и Гвардейской казарменной комиссии, несмотря на то, что «вырученные продажей деньги едва покрывали расход по сломке и объявлению торгов»¹⁸.

В начале 1823 г. свое согласие на приобретение некоторых вещей дал, ранее отказавшийся от этого, Кабинет его императорского величества. В связи с чем Николай Павлович, министр финансов Д. А. Гурьев и архитектор К. И. Росси специально осмотрели те залы Инженерного замка, как его официально стали называть с февраля 1823 г., где находились предметы предназначенные для продажи. Великий князь согласился отдать их Кабинету за 30 000 р. Однако запущенный им механизм публичной продажи в этом случае привел к неожиданным последствиям. Так среди отложенных ведомству Д. Гурьева вещей оказался проданным в «частные руки» камин из мозаики и принадлежащие к нему две мраморных колонны. В результате чего великому князю пришлось уведомить «его сиятельство» о том, что он предлагает выбрать К. И. Росси взамен проданных изделий другие, имеющиеся в здании¹⁹. Тогда же Николай решил использовать для нужд Училища снятый со стен «Кабинета из драгоценных камней» Марии Федоровны лазурит, около 5000 квадратных вершков, с последующей передачей части этого материала скульптору А. Трискорни, обязавшегося выполнить «зерцало» для Инженерного департамента. При этом и продажа изделий «партикулярным покупателям» не прекращалась.

Одним из покупателей стал граф Михаил Семенович Воронцов, назначенный в мае 1823 г. генерал-губернатором Новороссийского края и полномочным наместником Бессарабии. Однако даже один из богатейших людей России не пожелал платить полную цену за приглянувшиеся ему мраморные колонны, несмотря на то, что К. Опперман предлагал их ему с «некоторою уступкою»²⁰. В итоге, после непродолжительного торга, граф М. С. Воронцов приобрел для своего будущего Одесского дворца мраморный камин и двери, за которые заплатил 5530 р.²¹

Приблизительно в это же время крестьянин Волков приступил к снятию со стен в комнатах императрицы мрамора, предназначенного для принца Вильгельма Оранского и его жены Анны

Павловны. Видимо, подаренный им Российским Императорским Двором камень в дальнейшем украсил новую резиденцию наследника престола Нидерландов в Брюсселе, а в опустошенных покоях стены затянули вставленным в рамы холстом и просто окрасили, как и «прочие классные комнаты инженерного училища»²².

Весной 1824 г. обновленные сведения о подготовленном к продаже имуществе из Инженерного замка вновь напечатали в «Санкт-Петербургских ведомостях». В отличие от прежних объявлений, приведенный теперь перечень вещей был существенно расширен²³. Это позволяет утверждать, что значительная часть оставленных ранее «на месте впредь до повеления» предметов уже была снята со своих мест.

Объявления о продажах в Инженерном замке печатали вплоть до начала 1830-х гг. Однако в новом десятилетии руководство Департамента отказалось от принятого ранее принципа реализации вещей со «строго установленной ценой» и прибегло к «публичному торгу». С учетом того, что основная часть убранства залов уже была выкуплена другими ведомствами или «партикулярными покупателями», с «молотка» пошли оставшиеся избранные вещи, не проданные прежде. Например, пострадавшие во время наводнения «пятикантовые» колонны розового мрамора с базами и капителями²⁴. Незадолго до этого на аукцион приходили за большой гранитной плитой, покрывавшей берега каналов расположенных вдоль дворца²⁵.

Масштабы разорения бывших царских покоев были весьма внушительны. Официальные документы Инженерного департамента свидетельствуют о том, что в 1820-е гг. произвели оценку и последующий демонтаж отделки из натурального камня в 8 залах, ранее входивших в анфилады Павла и Марии Федоровны. Первоначальная оценочная стоимость этого убранства достигла почти 140 000 р.²⁶ По всему зданию оценили и сняли с прежних мест 89 зеркал, 35 плафонов и 10 десюдепортов на общую сумму 29 150 р.²⁷ С учетом произведенной оценки ваз, находившихся на крыше здания, а также бронзовой балюстрады и мраморного оформления хор в церкви Архангела Михаила, итоговая сумма всех приготовленных к публичной продаже вещей, без их последующей вынужденной уценки, составила почти 200 000 р. При этом доход, полученный Инженерным департаментом от продажи элементов убранства в «частные руки», достиг сравнительно небольшой суммы в 65 484 р.²⁸

Приведенные выше факты убедительно свидетельствуют о том, что изменение первоначального облика императорских дворцов Петербурга,

их разорение, а в некоторых случаях и полное уничтожение зданий в имперской России было связано исключительно с личными предпочтениями и взглядами самодержца или членов его семьи. Безусловно, такие действия, имели глубокую культурно-историческую мотивацию, корни которой, во-первых, следует искать в естественном желании монархов следовать меняющимся художественным тенденциям эпохи; во-вторых, стремлением указать обществу на становление новой власти и, в-третьих, намерением стереть из общественного сознания результаты деяний минувшего царствования и память о прежнем владельце.

Примечания

¹ Никифорова Л. В. Дворец в истории русской художественной культуры: автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24. 00. 01. СПб., 2006. С. 4.

² РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 115. Д. 61717. 1802 г.; Там же. Д. 61713. 1801 г.

³ РГВИА. Ф. 802. Оп. 7. Д. 32. 1808 г.; Там же. Д. 47. 1822 г.

⁴ Глушковский А. П. Воспоминания балетмейстера. СПб., 2010. С. 285.

⁵ РГВИА Ф. 827. Оп. 5. Д. 969. 1819–1821. Л. 9.

⁶ Там же. Л. 85–88.

⁷ Там же. Оп. 3. Д. 1045. 1823–1836. Л. 16.

⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 124. 1822. Л. 4 об.

⁹ РГВИА Ф. 827. Оп. 5. Д. 991. 1822–1827. Л. 5.

¹⁰ С.-Петербург. вед. 1822. 2 мая, № 35. С. 451.

¹¹ Там же. 16 июня, № 48. С. CCCLXVI.

¹² Там же. 1827. 14 окт., № 82. С. 1046.

¹³ РГВИА Ф. 827. Оп. 5. Д. 991. 1822–1827. Л. 27.

¹⁴ Там же. Л. 27 об.

¹⁵ Там же. Л. 94.

¹⁶ Там же. Л. 123.

¹⁷ Записные книжки великого князя Николая Павловича, 1822–1825. М., 2013. С. 105.

¹⁸ Фабрициус И. Г. Столетие военного министерства. СПб., 1902. Т. 7. С. 130.

¹⁹ РГВИА Ф. 312. Оп. 1. Д. 193. 1823. Л. 113.

²⁰ Там же. Д. 31. 1823–1833. Л. 23.

²¹ Удовик В. М. С. Воронцов. М., 2004. С. 130.

²² Из «Дела о работах, произведенных в Инженерном замке <...> 1824–1827» // Михайловский замок: страницы биографии памятника в документах и литературе. М., 2003. С. 270.

²³ С.-Петербург. вед. 1824. 29 апр., № 35. С. 468.

²⁴ Там же. 1832. 3 сент., № 207. С. 2108; Там же. 22 нояб., № 276. С. 2754.

²⁵ Там же. 1824. 30 сент., № 79. С. 557. По рим. нумерации.

²⁶ РГВИА Ф. 827. Оп. 5. Д. 991. 1822–1827. Л. 19–20 об.

²⁷ Там же. Л. 46–49, 74–74 об.

²⁸ Фабрициус И. Г. Указ. соч. С. 130.